

Григорий Левинц

Три дня из жизни одного министра

©2014 Пьеса в трех действиях, с прологом и эпилогом

Действующие лица:

1. Вальтер Ратенау, министр иностранных дел Германии
2. Матильда Ратенау, его мать
3. Барон Адольф Георг Отто (Аго) фон Мальцан, заведующий восточным отделом МИД Германии
4. Карл Радек, член ЦК ВКП(б), член исполкома Коминтерна
5. Альберт Эйнштейн, директор института физики им. императора Вильгельма
6. Курт Блюменфельд, генеральный секретарь сионистского союза Германии
7. Вернер фон Техов, студент Берлинского университета
8. Эрвин Керн, лейтенант императорских военно-морских сил в отставке

Пролог

Звучит молитва «каддиш».

М. Ратенау:

Наша жизнь похожа на жизнь дерева. Его кольца отмечают каждый прожитый год и несут память о миновавших ненастьях, они - сродни коллективной памяти народа. Подобно тому, как уходящие в землю корни дают сок для новых побегов, так и прошлое питает наше настоящее, оказывает влияние на будущее. Бывает так, что невзначай поврежденный корень, сломанная ветка могут изменить равновесие всего ствола, и годами позже ему не хватит силы, чтобы устоять перед бурей. Так и дорога, по которой идет народ, может однажды завершиться пропастью, поскольку жизни тех, у которых было достаточно прозорливости, чтобы указать иное направление, были преждевременно оборваны. «Как дни дерева, такими будут дни народа Моего». (Исайя 65: 22).

Действие 1. 31 января 1922 г.

Сцена 1. Берлин, пивная «Баварский двор». Эрвин Керн, Вернер фон Техов
Керн и Техов сидят за соседними столиками. Техов читает газету.

Техов:

Нет, это просто невероятно! Они назначили министром иностранных дел еврея Ратенау.

Керн:

Неужели?

Техов:

Вот, смотрите: напечатано прямо на первой странице. Да, мало им Версальского договора, так теперь нам еще подсовывают такого министра. Удачный ход международного еврейства - молодцы, ребята, снимаю шляпу. Лучшей кандидатуры, чем этот Ратенау вряд ли можно было найти. Когда простые немцы жертвовали своей жизнью в окопах или работали по 14 часов на оборонных заводах, он набивал свой кошелек на военных поставках. Потом он оказался среди еврейских так называемых «экспертов», которые принудили Германию принять позорное соглашение о репарациях. И вот сегодня его назначают министром иностранных дел. Да была бы у меня граната, сейчас бы пошел и швырнул ее в эту еврейскую свинью.

Керн:

Тихо, тихо. Неизвестно, кто тут вокруг сидит. Еще, того гляди, вызовут полицию ... А как тебя зовут, гранатометчик?

Техов:

Разрешите представиться: Вернер фон Техов, студент Берлинского университета.

Керн:

Эрвин Керн, лейтенант императорских военно-морских сил в отставке. Да, чувствуется, здорово евреи тебе досадили.

Техов:

Да сегодня надо быть слепым, чтобы не видеть того, что происходит. Кто подписал в 1919 году кабальный Версальский договор - еврейский прикормыш Эрцбергер. Кто руководил восстанием красных? Еврейка Роза Люксембург. Кто организовал революцию на юге и залил кровью половину Баварии? Еврей Левинэ. А возьмем Берлин - здесь они обложили нас и справа, и слева: с одной стороны коммунисты, которые делают то, что им велят еврей-большевики из России, а с другой стороны - посмотрите, кому принадлежат самые большие банки и самые шикарные магазины: конечно же евреям. Возьмите любого берлинского врача или адвоката - в девяноста процентах из ста это обязательно окажется еврей. Мой брат, талантливый художник, три года подряд пытался поступить в Художественную Академию и каждый раз ему отказывали, как они говорили, «из-за отсутствия дарования». Потом я посмотрел, кто же руководил приемной комиссией. Оказалось, еврей Макс Либерман.

Керн:

Да, евреи, конечно, после войны, словно тараканы, изо всех щелей повывлезали. Однако, основная проблема не в них. Сравни вот, при кайзере их тоже в Германии хватало, однако не высовывались, каждый свое место знал. Тут дело в том, что власть у нас такая, при которой всякая нечисть, вроде евреев да социалистов, на поверхность прет.

Техов:

А скажите, господин офицер, ...

Керн:

Да давай попроще, я - Эрвин, можешь со мною на «ты».

Техов:

А скажи, Эрвин, что же делать? Ведь они нас даже за людей не считают. Мы для них - так, дурачки, товар второго сорта. Вот, смотри (достаёт из кармана потрепанную книжку) - вчера приятель дал мне книжку почитать, называется «Евреи в армии, статистические исследования на основе официальных источников». Так в ней прямо говорится, что евреев на фронте в два с лишним раза меньше было, чем полагалось бы, если исходить из процентного состава. Мой отец, с войны на протезах вернувшийся, рассказывал мне, что на передовой их днем с огнем не сыскать было. Но зато уж если писарь, то обязательно еврей, а если еврей, то обязательно писарь. Вот ты, человек военный, скажи мне, много ли ты евреев на кораблях да подводных лодках повидал?

Керн:

Ну, я статисткой на войне не занимался, мне как-то не до того было. А скажи, сколько тебе лет, студент?

Техов:

Восемнадцать.

Керн:

На войну, значит, ты по возрасту не успел попасть. Ну а мне восемнадцать как раз в 1916-м исполнилось. Был я тогда глупый и наивный: тоже, вроде тебя, любил про политику поразглагольствовать, да только все больше по пивным и ресторанам. Но в первом же походе из меня эта дурь выветрилась. Наша подлодка была тогда в свободном поиске, и у северной Шотландии попали мы на мину. Рвануло где-то в носу, и в центральном отсеке, где я как раз в то время на вахте стоял, вода хлынула и сильно потянуло дымом. Подал я сигнал аварийной тревоги, все как по уставу положено; по этому сигналу команда должна все люки задраить. Однако, вижу, моряки, которые со мной в центральном отсеке находятся, не торопятся, на меня оглядываются, потому что в носовой части еще люди остаются, у которых единственная возможность спастись - это к нам поскорее выбраться. И вот стою я, зеленый салага с лейтенантскими погонами, только-только после училища, считаю секунды - раз, два, три - и знаю, что за каждую секунду вода в машинном на десять сантиметров прибывает, но и два - три морячка выскочить успевают. На шестой секунде повторил я команду «задрать отсеки». Мне эти шесть секунд тогда целой вечностью показались. Моторы уже наполовину в воде стояли, того и гляди встанут, от дыма почти ничего не видно было. Стали мы воду откачивать, а из-за перегородки стуки доносятся наших товарищей, которые выбраться не успели. Пять минут еще стучались, а по-

том перестали: то ли вода их совсем накрыла, то ли от дыма задохнулись. После этого мы еще трое суток в полупогруженном состоянии до базы добирались, а у меня в ушах только стук из задраенного отсека стоял. Когда в доке воду из лодки откачали, нашли их там - трех человек, из-за моей команды спастись не успевших. Умом понимаю я, что, оставь я люк незадраенным, всей бы лодке конец пришел, но все-таки

Техов:

Давай поднимем за тех наших товарищей, которые с войны живыми не вернулись!

Керн:

Потом понял я, что каждому человеку в жизни рано или поздно такая вахта выпадает, когда вопрос о жизни и смерти идет, „или-или“ решать приходится. И тут основной вопрос - уяснить, что для тебя главное и хватит ли у тебя решимости во имя этого главного до конца дойти. И когда я говорильню иных нынешних деятелей слышу, первый вопрос у меня: а какое конкретно дело ты предлагаешь, а готов ли ты ради этого дела, отбросив слюнтяйство и сентиментальности, если придется, и кровь людскую пролить?

Техов:

Да, болтунов у нас в правительстве хватает, да ведь как с этим справиться, ведь у нас и так выборы чаще бывают, чем воскресная служба в церкви, а меняется мало что.

Керн:

А с чего ты решил, что для этого непременно выборы нужны? Вспомни, как наш старый канцлер говорил - «железом и кровью». Если есть группа единомышленников, готовая во имя спасения Германии к решительным действиям, так ей для достижения этой цели и никакие выборы не нужны.

Техов:

Это что же, - заговор, восстание?

Керн:

Восстание - это методы коммунистов. Их пример в 1919-м году ясно показал, что этим ничего не добьешься. Тут нужны другие методы.

Техов:

И что же это за методы?

Керн:

Э ..э, ты слишком много знать хочешь. Всему свое время. Слушай меня внимательно, и о том, что я тебе сейчас скажу, никому ни слова. Есть в Германии некая группа решительных людей, которая называет себя «Организация Консул». Входят в нее по большей части офицеры с боевым прошлым, которым не безразлично то, что сейчас творится в Германии, и которые ради спасения родины готовы на многое. Об этой группе мало кто знает, ее члены стараются держаться в тени. Но - только до поры, пока наш час не пробил. Нам нужна и молодежь, люди вроде тебя, хоть и не обстрелянные, но патриоты. Если тебе по-настоящему не безразлична судьба Германии, и, во имя этого, если потребуется, ты готов и жизнью своей заплатить, то новому товарищу в наших рядах мы будем очень

рады. Если же дальше пустой болтовни дело для тебя не идет, то забудь о нашем разговоре и о нашем знакомстве.

Техов:

Ну, я бы хотел с патриотами.

Керн:

Молодец! То, что ты готов идти с нами, говорит о твоей решимости и смелости. Поверь, другого ответа я от тебя и не ожидал. Уж что - что, а разбираться в людях я научился еще на фронте. Давай-ка поднимем еще по одной - за нашу немецкую родину! Теперь то, что касается практической части дела. О нашем разговоре не должна знать ни одна живая душа. Через две недели ровно в 14:00 ты придешь в этот же ресторан, но будешь вести себя тихо, никого не задирать и не выступать. К тебе за столик подсядет человек, спросит, свободно ли место. Ты ответишь: «место свободно, но через десять минут я ожидаю свою невесту». После этого этот человек скажет тебе, что делать дальше. Ну, давай по последней, студент, и - желаю удачи!

.

Сцена 2. Берлин, министерство иностранных дел, приемная министра. Барон фон Мальцан. Карл Радек.

Мальцан:

Господин Радек, его превосходительство министр иностранных дел в настоящий момент занят, нам придется немного подождать.

Радек:

После сегодняшнего известия о назначении г-на Ратенау министром иностранных дел я получил телеграмму от наркома по иностранным делам Чичерина, в которой он выражает серьезные сомнения в том, что доктор Ратенау обладает достаточным опытом для того, чтобы руководить германской внешней политикой. Кроме того, Советское правительство опасается, что капиталист Ратенау будет проводить по отношению к России империалистическую политику разграбления природных богатств нашей страны.

Мальцан:

Уверяю Вас, опасения наркома Чичерина лишены оснований. Г-н Ратенау весьма опытный политик: как Вам известно, он уже входил однажды в состав правительства в качестве министра по делам восстановления. Кроме того, он представлял германскую сторону на ряде международных переговоров, так что у нас нет оснований сомневаться в его компетентности. Я могу Вас заверить, что доктор Ратенау, как и все германское правительство, заинтересован в дружеских и равноправных отношениях с Советской Россией.

Радек:

Ну, хорошо, г-н барон, поговорим о деле. Итак, советская сторона вот уже три месяца безуспешно пытается подвинуть германское правительство к заключению экономического

и политического соглашения, однако все наши попытки, несмотря на заверения германской стороны в заинтересованности в таком договоре, пока что ничем не окончились.

Мальцан:

Германское правительство относится с большим интересом к предложениям Советской России. Однако, согласитесь, существует немало щекотливых моментов, которые требуют своего согласования. Германия несет на себе тяжкое бремя репараций и при заключении соглашений с третьими странами нам приходится учитывать позицию стран Антанты.

Радек:

Несомненно, Советское правительство отдает себе отчет в том, что Германия, как страна, проигравшая войну, не всегда свободна в выработке своих решений. Однако мы призываем вас трезво взглянуть на настоящую ситуацию: Россия и Германия - страны похожей судьбы, обе оказались в положении изгоев, терпящих унижения в результате англо-саксонской экспансии. В этой ситуации было бы крайне легкомысленно не воспользоваться теми преимуществами, которые может принести торговое соглашение каждой из наших стран. Россия - страна, бесконечно богатая природными ресурсами, но после гражданской войны мы оказались в бедственном положении, из которого нам без помощи извне не выбраться. Германия - страна передовой промышленности, но после войны эта промышленность оказалась отрезанной от своих традиционных сырьевых баз и рынков сбыта. Поэтому мы обращаемся к вам с простым предложением. Вы предоставляете нам кредит на 300 миллионов золотых марок для покупки ваших же товаров. В обмен на это мы предоставляем вам концессии на разработку полезных ископаемых. По нашему мнению, это то соглашение, от которого обе стороны лишь выиграют.

Мальцан:

Поскольку речь идет о предварительных кредитах со стороны Германии, хотелось бы узнать, какие гарантии Советское правительство может предоставить под эти кредиты. Не хочу делать из этого секрета: у немецких промышленников за последние два года сложился весьма отрицательный опыт отношений с Россией. Кроме того, как только детали этого договора станут известны странам Антанты, нам неизбежно придется отвечать на вопрос: каким образом Германия, постоянно срывающая платежи по репарациям, может одновременно предоставлять Советской России такие большие кредиты.

Радек:

Конечно, первые годы Советской власти были не самыми безоблачными в истории отношений наших стран. Мы национализировали германскую собственность на территории Российской Федерации, однако это был необходимый шаг, без которого построение коммунистического общества в нашей стране было бы невозможно. Да, мы осознаем, что в настоящее время мы не можем рассчитывать на ваше доверие. Однако, давайте смотреть в будущее. Каждая построенная фабрика, каждый новый трактор - это камень в фундамент новой свободной и процветающей России. Поэтому ваши инвестиции в нашу экономику будут способствовать возрождению России, как надежного и стабильного партнера Германии. В то же время, Вам, надеюсь, понятно, что мир не стоит на месте. Если до начала конференции в Генуе нам не удастся достигнуть соглашения с Германией, РСФСР будет вынуждена обратиться к поиску иных партнеров.

Мальцан:

Интересное замечание! Разумеется, Советская Россия может заключать соглашения с тем, с кем она захочет. Учитывая размер желаемого Вами заема, несложно определить, что лишь две страны - Англия и Франция - будут в состоянии заключить с вами подобный договор. Насколько же мне известно, и французы, и англичане предпочитают в отношениях с Вашей страной концепцию консорциума, согласно которой Россия должна будет заключить соглашение не с отдельными государствами, а с блоком стран Антанты и их партнеров. Изменилось ли что-либо во взглядах Советского правительства на этот подход и готовы вы ли теперь к заключению подобного соглашения?

Радек:

Идея консорциума представляет собой в наших глазах полную утопию. Каждая из стран, входящих в консорциум будет неминуемо преследовать свои собственные интересы, что неизбежно приведет к краху всей идеи. Возьмем к примеру Англию, имеющую особые интересы в Советской Средней Азии. Неужели вы думаете, что англичане будут при этом церемониться с французами? И неужели вы думаете, что Советское правительство настолько слепо, чтобы допустить англичан в тот регион, из которого нам в свое время удалось с таким трудом их выбить? Претворение идеи консорциума будет неминуемо означать попытку коллективного разграбления Советской России странами Антанты, на которую наше правительство никогда не согласится. Мы - за консорциумы, то есть за двусторонние соглашения с отдельными странами, - но мы решительно против одного консорциума с группой стран.

Мальцан:

И как же при таких условиях вы собираетесь, извините за любопытство, договариваться со странами Антанты?

Радек:

Франция в последнее время изменила свое отношение к Советской России в лучшую сторону. Поэтому, некоторое время назад мы вступили в переговоры и с французами. Не хочу делать из этого секрета, одним из пунктов повестки дня является вопрос о принятии Россией условий Версальского договора и, в частности, пресловутой 116 статьи, по которой мы могли бы перезачесть долги царского правительства перед Францией на репарации, которые нам должна была бы выплатить Германия.

Мальцан:

Надеюсь, Вам известна позиция германского правительства по этому вопросу. Наша страна ни при каких условиях не согласится на какие-либо перезачеты долгов, совершенных еще до начала боевых действий в 1914 г. Вступление России на путь подобного толкования Версальского договора будет оценено германской стороной как крайне недружественный акт и повлечет за собой прекращение всех отношений с Советской Россией.

Радек:

Позвольте, господин барон, задать Вам вопрос из другой области. Легко ли было Вам, представителю старинного остзейского рода, имеющего многовековую традицию служения германским королям и императорам, примириться с тем, что отныне Вашим начальником будет еврей?

Мальцан:

Насколько я осведомлен о Вашем происхождении, г-н Радек, помимо того, что моим шефом является еврей, мне еще и приходится вести переговоры с партнером-евреем. Я понимаю, в какую плоскость Вы хотите перевести нашу беседу, поэтому расскажу Вам об одном эпизоде, который произошел не так давно. Когда уже было известно о предстоящем назначении, г-н Ратенау как-то заметил в разговоре со мной: «надеюсь, Вам известно, г-н барон, что я - еврей». Я ответил: «Ваше вероисповедание является Вашим внутренним делом. Для меня евреи - такие же боги чада на этой земле, как и остальные люди». На что г-н Ратенау сказал: «Иного ответа я от барона фон Мальцана и не ждал». Мой прадед, который был специальным посланником Фридриха Великого, наверное, перевернулся бы в гробу, если бы узнал, что его правнук должен подчиняться еврею, но все дело в том, что времена меняются, а вместе с ними меняются и люди, и их взгляды на мир, на добро и зло.

Радек:

Вы ведь являетесь верующим человеком. Насколько мне известно, у христианской церкви очень непростое отношение к иудеям.

Мальцан:

Проблема не в самой религии - христианство всегда призывало к терпимости - проблема в людях. 500 лет назад христиане отправляли евреев на костер и на пытки и считали при этом, что совершают богоугодное дело. А сейчас, основываясь на той же самой Библии, в которой за это время не изменилось ни слова, многие из нас призывают видеть в иудаизме старшего брата христианства. Но, впрочем, эту интересную тему мы могли бы продолжить как-нибудь в другой раз. Я полагаю, г-н министр теперь может принять нас.

Сцена 3. Берлин, министерство иностранных дел, кабинет министра. Барон фон Мальцан, Карл Радек, Вальтер Ратенау

Мальцан:

Г-н министр, позвольте Вам представить специального посланника Советской России г-на Карла Радека.

Радек:

Ваше превосходительство, позвольте засвидетельствовать Вам мое почтение, а также наилучшие пожелания по случаю назначения Вас министром иностранных дел от правительства Советской России и от меня лично.

Ратенау:

Благодарю Вас.

Мальцан:

Г-н Радек находится в Берлине по поводу торгово-политического соглашения, которое Советская Россия хотела бы заключить с Германией.

Ратенау:

Да, я в курсе, я успел пробежать протоколы предыдущих заседаний. В связи с этим у меня к Вам вопрос, г-н Радек: а какова Ваша настоящая фамилия, почему в протоколах Вы фигурируете под фамилией Römer?

Радек:

Römer - мой псевдоним. Я использую его, чтобы не привлекать внимание газетчиков к переговорам

Мальцан:

Дело в том, что г-н Радек является членом так называемого «коминтерна» и в этом качестве принимал в прошлом активное участие в деятельности германской компартии и даже арестовывался полицией. Поэтому, дабы не компрометировать настоящие переговоры, было решено, что фамилия Радек в протоколах фигурировать не будет.

Ратенау:

Насколько мне известно, г-н Радек, Вашей агитационной деятельности Вы не оставили и до сих пор. Вот у меня на столе донесение берлинской полиции, в котором упоминается, что не далее, как три дня назад Вы выступали на митинге германской компартии в Шоненфельде. Как же мы можем вести серьезные переговоры с партнером, который в свободное от переговоров время выступает на митингах партии, открыто призывающей к насильственному свержению существующего правительства?

Радек:

Если вы так боитесь коммунистов, почему бы вам не запретить компартию и не засадить всех ее членов за решетку? Возьмите пример с нашей страны: если бы мы в 1917 г. церемонились с нашими оппонентами, сомневаюсь, что я бы сидел сегодня в Вашем кабинете. А так - прошло всего лишь пять лет, и где теперь все наши противники тех лет - кадеты, монархисты, либералы и вся прочая камарилья?

Ратенау:

Веймарская республика, г-н Радек, в отличие от Советской России, - демократическое государство, в котором свобода мнений и политических объединений охраняется законом. Сожалею, если Вы еще не смогли этого заметить.

Радек:

Демократия, свобода мнений - все это, извините за выражение, г-н министр, только слова, которыми размахивают перед народными массами, как машут морковкой перед мордой осла. В нашей стране мы строим социализм - великое будущее всего человечества. Во имя этой цели мы отказались от многих буржуазных иллюзий. Потому что в политике, как бою: враги не дремлют, если не ты их одолеешь, то они разорвут тебя. Не хочу быть пророком, г-н министр, но Веймарская республика кажется мне весьма шатким образованием: в один прекрасный день к власти может прийти партия, которая будет твердо знать, чего она хочет, и тогда уже будет не до демократии и свободы слова.

Ратенау:

Я ценю Ваше пророчество, г-н Радек, но, уверяю Вас, Ваша тревога безосновательна: мы сумеем за себя постоять.

Мальцан:

Господа, мне кажется, мы отвлеклись от основной темы нашего разговора. Г-н министр, как я уже отметил, в последнее время между советской делегацией и представителями деловых кругов Германии состоялась серия переговоров. Советское правительство желало бы заключить сепаратное соглашение с Германией. Помимо установления полноценных дипломатических отношений, российская сторона хотела бы получить от нас значительные кредиты, которые компенсировались бы предоставлением нам экономических концессий в России.

Ратенау:

Надеюсь, г-н Радек, Вам известна моя позиция по этому вопросу: Германия, в силу своей приверженности к обязательствам по Версальскому договору, заинтересована в соглашении с Россией, базирующемся на принципах консорциума.

Радек:

Принцип консорциума совершенно исключен для Советской России. В случае, если германская сторона будет на этом настаивать, правительство Советской России будет вынуждено обратиться к поиску других возможных торговых партнеров. Не буду делать секрета из того, что в этом случае мы постараемся использовать статью 116 Версальского договора для перезачета долгов царского правительства, что обернется для Германии дополнительными платежами по репарациям.

Ратенау:

Угрожать нам применением статьи 116 - это чистой воды шантаж. Сомневаюсь, что мы когда-либо сможем прийти к соглашению с партнером, пытающимся вести переговоры подобным образом.

Радек:

Г-н министр, мне кажется, наша беседа приобретает нежелательную тональность, которая отнюдь не будет способствовать успеху наших переговоров. Вы не смогли бы уделить мне некоторое время для разговора с глазу на глаз: некоторые аспекты предлагаемого соглашения я хотел бы обсудить только с Вами.

Ратенау:

Надеюсь, для этого не потребуется слишком много времени: сегодня мой первый рабочий день, и мне еще предстоит много дел.

Мальцан:

Господа, позвольте мне оставить Вас одних.

Сцена 4. Берлин, министерство иностранных дел, кабинет министра. Карл Радек, Вальтер Ратенау

Ратенау:

Итак, я Вас слушаю, г-н Радек.

Радек:

Не кажется ли Вам, глубокоуважаемый д-р Ратенау, что судьба подарила нам с Вами исторический шанс, который мы не должны упустить: два еврея договариваются о заключении мирного договора между двумя великими народами - русскими и немцами.

Ратенау:

Весьма сожалею, но я смотрю на это по-другому. Хотя я и был рожден от еврейской матери, но мои родители были нерелигиозны; я воспитывался на немецкой культуре и всегда считал и считаю себя в первую очередь немцем.

Радек:

Ваша приверженность к немецкой культуре мне известна. Я даже имел удовольствие прочитать кое-что из Ваших сочинений. Однако, мало того, чтобы вы считали себя немцем, надо еще, чтобы другие тоже видели в вас немца. Или Вы хотите убедить меня, что в Германии нет антисемитизма?

Ратенау:

Несомненно, явления антисемитизма встречаются и у нас. Однако, Германия, в отличие от Польши или России, просвещенная страна. У нас никогда не было еврейских погромов, и вот уже более пятидесяти лет, как сняты последние ограничения, и евреи считаются полноправными гражданами своей страны.

Радек:

Позвольте задать Вам в таком случае один личный вопрос. Что заставило Вас, преуспевающего промышленника, владельца одного из самых могущественных германских концернов, оставить все и окунуться в политику? Что это, как не пресловутое еврейское тщеславие, желание доказать всем и вся, что, не смотря на то, что ты еврей, ты не хуже, а может даже и лучше, чем остальные?

Ратенау:

Вы ошибаетесь в Вашей оценке. Я принял пост министра потому, что испытываю ответственность за судьбу Германии в это трудное время, потому, что обладаю знаниями и опытом, которые позволят мне выполнять эту работу лучше, чем остальные.

Радек:

Да, конечно, все это так. Наверное, как посланник Советского правительства я не могу рассчитывать на Вашу откровенность в этом вопросе.

Ратенау:

Ну, а Вы, г-н Радек? В советской иерархии Вы ведь тоже занимаете не последнее место. Что же, Вашу карьеру тоже следует объяснять традиционным притеснением евреев?

Радек:

В отличие от Вас, г-н Ратенау, я родился не в Берлине, а в провинциальном городке на задворках Австро-Венгрии. И мой отец был не одним из крупнейших немецких промыш-

ленников, а всего лишь скромным почтовым чиновником. Мои родители тоже воспитывали меня на немецкой культуре, но вопрос о национальной идентификации для меня никогда не возникал по простой причине: в глазах окружающих я всегда оставался еврейским ублюдком. Не знаю, знакомо ли Вам это чувство, когда с детских лет вы ощущаете, что вы умнее, сообразительней, чем большинство ваших сверстников, но, в силу вашего происхождения, вы всегда обречены на то, чтобы быть человеком второго сорта. Поэтому уже в юном возрасте я осознал, как несправедливо устроен мир; желание изменить его привело меня в политику. Поэтому я примкнул к социал-демократам, а затем и к коммунистам: эти партии не интересовались этническим происхождением своих членов. Насколько Вы считаете себя немцем, а потом уже евреем, в той же степени я считаю себя коммунистом, а потом уже евреем. Ну, а что касается моей карьеры - по-видимому, интеллектуальные способности моих предков, проведших целые столетия за чтением и толкованием торы, выразились у меня в той особой изощренности мышления, которая так необходима политику.

Ратенау:

Объясните мне одну вещь, г-н Радек. Ваш вождь Ленин провозгласил борьбу за освобождение угнетенных народов, к числу которых, безусловно, относятся и евреи. Но как может при этом компартия Германии, к созданию которой Вы приложили свою руку, поддерживать весь этот антисемитский бред о мировом заговоре еврейских капиталистов?

Радек:

Все очень просто. Мы, коммунисты, выступаем за освобождение рабочего класса, в том числе и еврейской бедноты, зарабатывающей себе на хлеб тяжелым трудом на заводах и фабриках. Но мы - против капиталистов всех мастей, эксплуатирующих рабочих. Если среди этих капиталистов есть евреи, то мы против этих евреев. Если рассуждения о специфическом еврейском характере некоторых транснациональных корпораций могут дать нам дополнительных сторонников, что ж, мы готовы развивать и эту тему.

Ратенау:

Опять этот миф о специфическом еврейском капитале! Вы не поверите, г-н Радек, Вы сейчас почти слово в слово повторили то, что тридцать лет назад говорил Вернер фон Сименс моему отцу: он согласен был финансировать его дело только при условии, что компания AEG не будет иметь никакого «специфического еврейского характера». Да, антисемитизм - это та вечная тема, которая объединяет и бедных, и богатых, и левых, и правых. Поразительно, что компартия, во главе которой находится немало евреев, все это поддерживает. А Вы не боитесь, г-н Радек, что когда-нибудь антисемитские настроения в Вашей партии отразятся и на Вас?

Радек:

Я - солдат партии. Идет классовая борьба, и все определяется лишь тем, насколько целесообразны наши средства в этой борьбе. Если когда-нибудь во имя победы рабочего класса партия объявит всех евреев пособниками мирового империализма, я поддержу эту линию. Если партии потребуются моя жизнь, я готов буду принести и эту жертву.

Ратенау:

Ну что ж, боюсь, что сегодня я не смогу уделить Вам больше времени. Надеюсь, Вы успели высказать то важное, ради которого Вы попросили о разговоре с глазу на глаз?

Радек:

Г-н министр, как опытный политик, Вы, должно быть, знаете, что иногда пятиминутный разговор на общие темы помогает больше понять собеседника, чем многочасовые переговоры. Я не уверен, удастся ли нам сблизить позиции наших стран, но, по крайней мере, каждый из нас будет теперь иметь более четкое представление о своем партнере по переговорам.

Ратенау:

Благодарю Вас за откровенность. Условия договора, которые были бы приемлемы для Советской делегации, нам ясны. Дайте нам некоторое время, и мы проинформируем Вас о решении германского правительства.

Радек:

Г-н министр, я еще раз позволю себе Вам напомнить, что мы готовы ждать лишь до начала Генуэзской конференции. Если до того времени германское правительство так и не примет окончательного решения, мы привлечем к договору иных партнеров.

Сцена 5. Берлин. Министерство иностранных дел, кабинет министра, Вальтер Ратенау. Частный дом семьи Ратенау, Матильда Ратенау. Телефонный разговор.

В. Ратенау:
Здравствуй, мама.

М. Ратенау:
Здравствуй, сын. Сегодня из газет я узнала о твоём новом назначении. Поздравляю тебя.

В. Ратенау:
Спасибо.

М. Ратенау:
Как прошёл твой первый рабочий день?

В. Ратенау:
Прекрасно. Утром я с моим помощником сыграл пять партий в шахматы, а после обеда мы с канцлером, лежа на диване, отгадывали кроссворды. Ты не можешь подсказать, как называется разновидность свиньи с длинным носом, которая отравляет всем в Германии воздух? 5 букв, начинается на «е», кончается на «й».

М. Ратенау:
Твои шутки неуместны. Своим решением принять министерский пост ты добился того, что о тебе действительно скоро так станут писать газеты. И это случится, заметь, вне зависимости от того, что ты будешь делать, станешь ли ты на сторону правых или левых, бедных или богатых. Я все-таки не понимаю, зачем ты на это согласился. Тебе что, не

давали покоя лавры твоего отца, и тебе надо было непременно хоть в чем-то превзойти его?

В. Ратенау:

Интересно, что ты не первая сегодня, кто спрашивает меня об этом. Да, наверное, во мне говорит честолюбие, но одним только этим мое решение не объяснить. Я не знаю, как это проще выразить. Одним бог не отпускает никаких особенных талантов, они живут жизнью обычных людей, честно или нечестно, счастливо или несчастливо, и умирают в спокойном сознании того, что исчерпали все отпущенные им возможности. Другие получают от рождения талант писателя, или музыканта, или художника, или политика, или предпринимателя. Воплощение этого таланта может быть долгим, трудным и мучительным предприятием, но беда и проклятие таких людей - не поверить в собственные силы, испугаться трудностей и пройти мимо отпущенного им дара. Но бывает и так, что бог отпускает одному человеку сразу несколько талантов, и тогда самое трудное для такого человека - понять, что же для него самое главное, какое из отпущенных ему дарований по-настоящему отмечено божьей искрой. Когда мне было семнадцать лет, отец был для меня настоящим кумиром. Я преклонялся перед ним, как личностью; мне казалось, что та вершина, которой он достиг - руководитель многомиллиардного концерна мирового уровня - никогда не покорится мне. Но не прошло и двадцати лет, как я стал во главе «АЕГ». Однако, чем выше я поднимался по служебной лестнице, тем скучнее становилась мне предпринимательская деятельность: ведь многие мои устремления и интересы оказывались за тесными рамками бизнеса. Ты знаешь, что со студенческих времен я интересовался литературой и философией. Я попробовал начать писать, и вот пришло время, и мои книги печатаются в самых престижных издательствах, и я стал одним из самых читаемых авторов Германии. Но мои идеи о том, как реорганизовать экономику Германии, как повысить эффективность государства, остаются лишь бесплодными мечтаниями на бумаге, которым никогда не будет суждено реализоваться. Сейчас мне кажется, что политика - это тот единственный отмеченный божьей искрой талант, который был дан мне, то, для чего я действительно был рожден. По воспитанию и по культуре я - немец, но еврейское происхождение дает мне некоторую отстраненность, возможность более широкого взгляда на мир, который так необходим политику. Мой практический опыт в промышленности дал мне необходимые знания о том, как функционирует экономика, навыки организатора и руководителя. И, наконец, благодаря моим познаниям в философии, у меня есть необходимая историческая перспектива, то, без чего не может состояться ни один серьезный политик. Ты знаешь, что еще при кайзере я пробовал начать заниматься политикой, и ты знаешь, чем эти попытки кончились: для меня, как еврея, политическая карьера была совершенно невозможна. Судьбе, однако, было угодно, чтобы спустя три года после крушения империи я получил должность министра иностранных дел, и я счастлив этой возможности, ибо обладаю достаточным опытом и верю, что смогу немало сделать для Германии на этом посту. Если же завтра судьба поставит меня перед другим, еще более серьезным вызовом, что ж, я буду готов и к нему.

М. Ратенау:

Все это очень хорошо, но ты, к сожалению, забываешь о времени и о стране, в которой мы живем. Еще не прошло и года со времени ужасного убийства министра Эрцбергера, который, заметь, в отличие от тебя был немцем. А ты не боишься повторить его судьбу?

В. Ратенау:

Что же делать, мама: мы живем сегодня и здесь - нравится это нам или нет. Что же касается смерти - меня это не страшит ...

М. Ратенау:

Вообрази, каково выслушивать это мне, как матери. Скажи, будет ли у тебя хотя бы охрана?

В. Ратенау:

Не беспокойся, со мной ничего не случится. Да, кстати, забыл тебе рассказать одну интересную историю. Г-н Сегаль из комиссии по статистике прислал мне свою книгу. Называется «Немецкие евреи как солдаты в войне 1914 - 1918 гг.». Так вот, в ней автор с цифрами в руках доказывает, что процентный состав участвовавших в боевых действиях евреев соответствовал их процентной квоте среди населения. Так что вся эта шумиха, поднятая вокруг того, что евреи якобы уклонялись от службы в армии, пустопорожняя болтовня националистов, и ничего более.

М. Ратенау:

Я в этом и не сомневалась. Меня поражает только то, что интерес к статистике у определенной части населения этой страны пробуждается только тогда, когда речь заходит о евреях. Я желаю тебе спокойной ночи, сын.

В. Ратенау

Спокойной ночи.

Действие 2. 15 апреля 1922 г.

Сцена 6. Берлин, частная квартира. Эрвин Керн, Вернер фон Техов

Техов:

Да, вот вообрази: в прошлом году подрабатывал я себе на учебу таксистом. И садится ко мне как-то в машину баба - на вид лет двадцать, не больше. Росточка небольшого, черные волосы до плеч, губы красной помадой намазаны, шикарно одета, и весь вид такой, что прямо хоть на обложку модного журнала. И при ней коробочка внушительных размеров. Везу я ее на Курфюрстендамм, потихонечку в зеркало на нее поглядываю: нос с горбинкой, волосы вьются - не иначе, дочка одного из еврейских нуворишей. И, чтобы проверить мою догадку, я небрежно замечаю, что в коробке, наверное, она мацу на пасху везет, а маца эта на крови христианских младенцев замешана. Она вспыхнула и медленно так сквозь зубы процедила: «Да, вот именно, а рыбу мы жарим на сале идиотов вроде тебя». И после этого ни слова в машине не проронила. Доезжаем мы до места, и там просит она меня коробку до квартиры донести - видно гордыня гордыней, а переть тяжелую коробку наверх ей сильно не хотелось. Поднимаемся мы по лестнице, она впереди идет, длинное пальто почти всю фигуру скрывает, мне только и видно, как при каждом шаге мускулы на икрах под черными чулками напрягаются. И, не поверишь, от вида этих ног на меня желание накатило, прямо хоть тут же на лестнице штаны снимай. Дошли мы до квартиры, она дверь открыла и в проходе встала, чтобы меня пропустить. Я с коробкой мимо прохожу, и вдруг меня как взрывной волной на нее бросило. Коробка в сторону полетела, я всем телом к ней прижался, губами ее рот в красной помаде ловлю. Она поначалу вроде меня отталкивала, а потом дело пошло. И тут же на пороге, с открытой дверью на лестницу взял я ее в первый раз. Поверь, я на отсутствие женского внимания не могу пожаловаться, но такого оргазма я ни до, ни после не испытывал.

Керн:

Да, недаром говорят, что у евреек то место медом смазано.

Техов:

Слушай дальше. С того дня стали мы встречаться регулярно. Все наши свидания всегда одним и тем же кончались, и видно было, что от секса она не меньше моего удовольствие получала. Хотя, теперь я думаю, кто ее знает, может просто притворялась, чтобы меня побольше раззадорить. Звали ее Лизой, а кто ее отец был, не говорила, хотя сразу видно было - не последний бедняк на свете. Я все это время только и существовал от встречи до встречи, и жизни без этой Лизы уже себе представить не мог.

Керн:

Это что же получается, что ты с евреями чуть не породнился?

Техов:

Вот именно, что чуть. Через три месяца она мне вдруг заявляет: все, что у нас с тобой было - это так, игра, а сейчас, мол, встретила настоящего человека, и наши свидания больше невозможны. Это, значит, что все, что у нее со мной было, и крики, и стоны - все

это было ненастоящее? О еврействе ее мы с того первого дня в такси больше не говорили, но тут меня словно прорвало. А что, говорю, этот твой новый - он, случайно, не одного с тобой племени? Да, говорит, одного, но это все не имеет никакого значения. Нет, говорю, очень даже имеет. Потому что все вы, евреи, из одного теста замешаны: вечно о своем притеснении и несправедливости кричите, а сами только себе подобных и замечаете, а на остальных вам наплевать. Хлопнул дверью и ушел. Но после этого на меня словно наваждение нашло: крутил ли я баранку своего такси, сидел ли на лекциях в университете, пил ли пиво с приятелями - в голове снова и снова все наши встречи с Лизой прокручивал. Именно тогда я понял, что евреи - чертово исчадье, нечистой силы родственники, которые на нашего брата порчу наводят. Поверишь ли, достал я тогда у приятеля револьвер, и целый месяц караулил ее у того дома на Курфюрстендамм. Но, на ее счастье, так мы тогда и не встретились.

Керн:

Почему же на ее счастье? Может быть, и на твое тоже. Представь себе, где бы ты был сегодня, если бы ваши дорожки тогда не разминулись. И стоит ли какая-то еврейка того, чтобы из-за нее настоящий немецкий патриот в тюрьму шел и под смертный приговор себя подставлял? В наше время есть дела поважнее, чем из-за бабы сопли распускать.

Техов:

Да кто бы стал спорить. Ту страницу в моей жизни я уже давно перевернул.

Керн:

Да, давай-ка лучше о деле. Вот когда мы с тобой в первый раз встретились, ты все спрашивал меня, как тот бардак, который сейчас в Германии царит, прекратить, и всей той швали, что на поверхность сейчас выплыла, по мозгам дать.

Техов:

Да, но с ответом ты тогда не торопился.

Керн:

Правильно, потому, что не знал тогда еще, что ты за человек, можно ли тебе секреты доверять.

Техов:

Ну, а сейчас?

Керн:

Ну, а сейчас - совсем другое дело: за это время была возможность тебя и в деле проверить, и взгляды твои прощупать. Потому я и вызвал тебя сегодня сюда, что время решительных действий наступает, и нашей организации твоя помощь может потребоваться.

Техов:

Опять, что ли, по ночам ящики с оружием развозить?

Керн:

Да нет, все, что ты до сих пор делал, лишь прелюдия к тому была, что скоро произойдет. Позорное правительство наше каждый день качается, но все еще держится. Поэтому надо

его в нужный момент подтолкнуть для того, чтобы к власти пришли те люди, которые смогут вернуть Германии подобающее ей место. Толчком этим может быть что-то такое, что ситуацию в стране из равновесия выведет и у правительства рычаги управления из рук выбьет.

Техов:

Ну и чем же будет это что-то такое?

Керн:

Убийство.

Техов:

Я не понял: что?

Керн:

Политическое убийство. Надо завалить какого-нибудь политика, по возможности наиболее высокопоставленного и по возможности еврея. Это наверняка спровоцирует паралич правительства и выступление левых: начнутся демонстрации, массовые забастовки - весь тот хаос, который мы уже не один раз видели. И вот тогда наступит час настоящих патриотов - решительным ударом расправиться с красными и раз и навсегда покончить с правительством предателей, сбросить ярмо Версальского договора и установить в стране такой порядок, при котором вся эта еврейская публика снова будут знать свое место.

Техов:

Звучит неплохо, но для такого выступления нужна сила.

Керн:

Не волнуйся, такая сила есть. В «Организацию Консул» входят люди, обладающие значительным влиянием в обществе и в рейхсвере. И они ждут своего часа.

Техов:

Ну а кто же тот политик - «по возможности наиболее высокопоставленный и по возможности еврей»? Если начать перебирать состав нынешнего кабинета, то я вижу только одну кандидатуру.

Керн:

Не будем торопиться называть фамилии. Скажу тебе другое: сейчас формируется группа, которая возьмет на себя экзекуцию. Теракт будет произведен, скорее всего, в одном из общественных мест Берлина. Поэтому нам нужны люди, умеющие водить автомобиль и хорошо ориентирующиеся в городе, идеальный вариант - с опытом работы в такси.

Техов:

Я все понял. Для настоящего дела я готов.

Керн:

Имей в виду, после покушения полиция скорей всего организует преследование, и группе, возможно, придется на некоторое время перейти на нелегальное положение.

Техов:

Ну что ж, такую цену за удовольствие вышибить мозги еврею Ратенау я считаю вполне приемлемой.

Керн:

Фамилию Ратенау я не называл. Операция пока только в предварительной фазе. Когда дело дойдет до практических шагов, я дам о себе знать. А тебе совету с этого момента быть особенно осмотрительным: попусту рот не раскрывай, по пивным не шляйся, и, разумеется, о нашем разговоре никому ни слова.

Сцена 7. Генуя, вилла немецкой делегации, рабочий кабинет министра иностранных дел. Ратенау, барон фон Мальцан.

Ратенау:

Сегодня утром я имел весьма любопытную беседу с итальянским министром иностранных дел г-ном Шанцером. Он проинформировал меня о содержании переговоров между странами Антанты и русскими. Итак, наши худшие опасения, похоже, сбываются. Переговоры действительно ведутся, планируемое соглашение действительно предусматривает перезачет русских долгов в обмен на дополнительные германские репарации, и, как любезно подчеркнул г-н Шанцер, шансы на заключение соглашения весьма велики.

Мальцан:

Мне ясно, почему переговоры ведутся без нашего участия. Союзники понимают, что Германия никогда не согласится на перезачет долгов, и, поэтому, торопятся решить все щекотливые вопросы с русскими сепаратно, а потом просто поставить нас перед свершившимся фактом.

Ратенау:

И это при том, что Германия только и делает, что демонстрирует свою приверженность Версальскому договору. Мы твердим на всех углах, что возврата к былому милитаризму нет, что Германия постарается выплатить все контрибуции и будет надежным партнером стран Антанты. А из нас делают всеевропейского козла отпущения, нас загоняют в угол, совсем не задумываясь о последствиях. У Германии есть будущее только в качестве равноправного союзника и партнера Англии и Франции. Только тройственный союз этих стран может обеспечить долговременный мир на нашем континенте. Современная Россия слишком слаба экономически, в ней слишком непредсказуема политическая ситуация, чтобы ее можно было рассматривать всерьез как альтернативу такому союзу. Но, похоже, желание заработать пару миллионов на русской нефти затмило у союзников какие-либо способности к трезвому анализу ситуации.

Мальцан:

В создавшейся ситуации нам остается только ждать, уповая на то, что переговоры все же окончатся безрезультатно.

Ратенау:

Я послал письмо английскому премьеру Ллойд-Джорджу, в котором попросил его о срочной аудиенции, но ответа до сих пор так и не получил.

Мальцан:

Вы, полагаете, у нас есть еще шанс повлиять на англичан?

Ратенау:

Похоже, к сожалению, что с каждым часом эти шансы становятся все меньше и меньше. То, что Ллойд-Джордж молчит, говорит о том, что англичане уверены в успехе. Дело зашло слишком далеко, и, если мы теперь получим ответ, то он будет означать только то, что им все-таки не удалось договориться с русскими, и они либо совсем хотят забыть об этих переговорах, либо хотят нашего посредничества. И то и другое было бы для нас наилучшим выходом из создавшегося положения. Другой вариант состоял бы в том, что страны Антанты уже договорились с русскими, и Ллойд-Джордж предлагает нам присоединиться к соглашению. Принять такое предложение было бы для нас равнозначно самоубийству.

Мальцан:

А как Вы относитесь к тому, чтобы параллельно прощупать почву у русских? Ведь, все-таки, за то время, пока переговоры велись в Берлине, нам удалось подготовить черновик соглашения, который, вроде бы, устраивал обе стороны. Если дать сейчас понять русским, что мы готовы к сепаратному соглашению с ними, то, может быть, это отвлечет их внимание от англичан.

Ратенау:

Просить сейчас русских о переговорах - это означает признать перед ними собственную слабость. В этих условиях им ничего не помешает окончательно выкрутить нам руки. Кроме того, можете себе представить, какой поднялся бы вой, если бы вдруг вскрылось, что, в то время, как страны Антанты ведут переговоры с Советской Россией, мы в обход них делаем русским свои предложения. Не думаю, что после этого кто-либо из союзников захотел бы иметь с нами дело. В результате мы окажемся в политической изоляции, еще более полной, чем сейчас. Противопоставить себя сейчас всей Европе, это значит сделать первый шаг по дороге, которая уже однажды привела мир туда, где он находился в августе 1914 года.

Мальцан:

Так что же остается нам предпринять в сложившейся ситуации?

Ратенау:

К сожалению, не слишком много. Мы можем только ждать, уповая на то, что произойдет чудо, и союзники все же по каким либо причинам не договорятся с русскими. Посмотрим, что принесет нам сегодняшний день.

Сцена 8. Генуя, уличное кафе. Карл Радек, барон фон Мальцан.

Мальцан сидит за столиком, мимо проходит Радек

Радек:

Г-н барон, как я рад Вас видеть! Разрешите присесть за Ваш столик.

Мальцан:

Г-н Радек! А я и не предполагал, что Вы в Генуе.

Радек:

Как Вы знаете, я не вхожу в состав советской делегации. Я здесь как частное лицо. Врачи установили у меня сильное переутомление и порекомендовали мне воздушные ванны в Италии.

Мальцан:

И поэтому вы оказываетесь в Генуе именно в то время, когда там происходит важнейшая для всей Европы конференция. Г-н Радек, я преклоняюсь перед прозорливостью Ваших врачей. Ну, уж, а то, что Вы оказались перед моим столиком именно сегодня, по-видимому, ничем иным, кроме как слепой случайностью и не объяснишь.

Радек:

Кто знает, может быть это и не случайность, а рука провидения.

Мальцан:

Вы, убежденный материалист, говорите о руке провидения? Не могу себе представить, что же это за причины, по которым Вы оказались здесь.

Радек:

Позвольте задать Вам простой вопрос: что известно Вам о состоянии наших переговоров со странами Антанты?

Мальцан:

Откровенно говоря, не слишком много. Нам известно, что переговоры идут практически с первого дня конференции, что за основу возможного соглашения взят меморандум, подготовленный британской делегацией, и что все участники переговоров весьма оптимистичны по поводу их успешного завершения в ближайшее время.

Радек:

Вам ведь известно, что и англичане, и французы настаивают на включение в договор параграфа о перезачете долгов царского правительства в обмен на германские репарации.

Мальцан:

Да, если такой договор будет заключен, я предвижу трудные времена для Германии.

Радек:

И что же Вы предприняли до сих пор для того, чтобы предотвратить это?

Мальцан:

Не скрою, что сам факт того, что подобные переговоры ведутся за спиной Германии, весьма отрицательно отразился на уровне нашего доверия союзникам. И министр Ратенау, и канцлер Вирт неоднократно пытались связаться по этому поводу с премьером Ллойд-Джорджем, но, увы, всякий раз безуспешно.

Радек:

Почему же с премьером Ллойд-Джорджем, а не с народным комиссаром Чичериним?

Мальцан:

Мы знаем друг друга уже достаточно давно, и я буду с Вами совершенно откровенен. Как Вы знаете, я провел несколько лет на дипломатической службе в России и, как мне кажется, научился понимать «загадочную русскую душу». Хотя, дело даже не в этом. Если трезво оценивать современную обстановку в Европе, то, несмотря на все старания Германии выполнить условия Версальского договора, в обозримом будущем мы всегда будем оставаться париями для наших партнеров, страной второго разряда, которую иногда приглашают на переговоры, а иногда принимают решения за ее спиной. И репарации, которые мы должны выплачивать так называемым «странам-победителям», всегда будут тем тяжким бременем, которое будет сковывать развитие нашей промышленности. Единственной альтернативой этому является поиск независимого и сильного партнера на востоке, с которым наша страна могла бы строить отношения на равноправной основе. И лучшего партнера, чем Россия нам вряд ли удастся найти.

Радек:

Мне остается только аплодировать вашему высказыванию.

Мальцан:

Но, как дипломат, я всегда должен уметь отличать желаемое от реального. А реальная ситуация на сегодняшний день такова, что германское правительство не слишком заинтересовано в заключении договора с Советской Россией. И канцлер, и министр иностранных дел придерживаются точки зрения, что Германия в первую очередь должна заботиться о выполнении обязательств по отношению к странам Антанты. В этих условиях заведующий восточным отделом МИД, если только он не хочет лишиться своей должности, должен четко видеть предел своих возможностей.

Радек:

Я ценю Вашу откровенность, г-н барон, и, в благодарность за это, я готов поделиться с Вами весьма доверительной информацией, которая, быть может, все же позволит расширить возможности заведующего восточным отделом. Вы совершенно верно проинформированы насчет переговоров между Россией и странами Антанты: они действительно идут практически с первого дня конференции, и шансы на успех действительно весьма велики. Так вот, я сообщу Вам то, о чем в данный момент знают даже не все члены российской делегации: сегодня вечером переговоры будут прерваны из-за невозможности сторон договориться по некоторым ключевым вопросам. Не спрашивайте меня, какие это ключевые вопросы и откуда мне известна такая информация; постарайтесь просто извлечь из этого надлежащую пользу.

Мальцан:

Да, информация действительно сногшибательная. За несколько дней до начала конференции референты докладывали мне о том, что в советских газетах промелькнуло сообщение, будто председатель правительства Ленин считает неприемлемым заключение каких-либо соглашений со странами Антанты. Если это действительно так, и вся активность Ваших соотечественников на переговорах была лишь искусным блефом, то я могу их

лишь поздравить: подобные комбинации не всегда удаются и многоопытным дипломатам. Могу себе представить: если бы нарком Чичерин с самого начала заявил, что он готов вести переговоры только с Германией, мы бы, скорее всего, ответили отказом и настаивали на концепции консорциума. А в нынешней ситуации, когда Германия оказалась в изоляции, у г-на Ратенау остается не так много альтернатив.

Радек:

Как я уже сказал, я воздерживаюсь от каких-либо комментариев.

Мальцан:

Быть может, я и смогу извлечь некоторую пользу из Вашего сообщения. Как Вы понимаете, мне придется говорить об этом с министром Ратенау, и одного лишь указания на то, что ко мне за столик в кафе подсело некое частное лицо, которое знает всю закулисную сторону переговоров, будет явно недостаточно. Нельзя ли сделать так, чтобы эту информацию я получил от кого-нибудь из членов российской делегации, принимающих участие в переговорах?

Радек:

Да, пожалуй, у сидящего за Вашим столиком частного лица достаточно влияния в российской делегации, чтобы попросить, например, его личного друга и участника переговоров г-на Иоффе сделать телефонный звонок его другому личному другу, барону фон Мальцану, и проинформировать его о ходе переговоров. Надеюсь, Вас это устроит?

Мальцан:

Да, вполне. Нельзя ли сделать так, чтобы вне зависимости от того, в котором часу закончатся сегодня переговоры с союзниками, г-н Иоффе позвонил мне достаточно поздно, скажем около часа ночи? Также важно, чтобы у союзников не сложилось впечатление о том, что решение Советской делегации о прекращении переговоров окончательное.

Радек:

Мне кажется, я понимаю смысл Ваших требований. Безусловно, все это выполнимо.

Мальцан:

Ну что ж, посмотрим, удастся ли нам сегодня ночью загнать шар в лузу.

Сцена 9. Генуя, вилла немецкой делегации, рабочий кабинет министра иностранных дел. Ратенау, барон фон Мальцан.

Оба в пижамных костюмах.

Мальцан:

Господин министр, извините, что мне пришлось Вас потревожить в столь позднее время, однако есть новости, требующие безотлагательных решений.

Ратенау:

И что же это за новости? Франция объявила, что отказывается от своей доли в репарациях?

Мальцан:

Не совсем. Вы помните г-на Иоффе, члена русской делегации, он представился Вам в первый день конференции? Я знаком с ним еще со времен Брестского мирного договора. Так вот, г-н Иоффе позвонил мне по телефону пять минут назад и сообщил, что переговоры между Россией и странами Антанты прерваны из-за невозможности договориться по некоторым ключевым вопросам.

Ратенау:

Невероятно! Невероятно и то, что переговоры прерываются в тот момент, когда весь мир уже твердит об их успешном завершении, и то, что Иоффе звонит среди ночи для того, чтобы поставить Вас в известность об этом.

Мальцан:

Ну, то, что он звонит мне, можно истолковать однозначно только как готовность русских к возобновлению переговоров с нами. Напрямую это сказано не было, я думаю, русские хотят сохранить лицо, но, если Вы позвоните наркому Чичерину, он, несомненно, Вам это подтвердит.

Ратенау:

Интересно и то, почему Вам позвонили только сейчас. У нас установлено негласное наблюдение за виллой английской делегации, и в докладе агентов за сегодняшний день указывалось, что автомобиль русской делегации покинул виллу где-то около шести часов вечера. Если к этому времени уже было известно, что переговоры прерваны, почему же русские ждали так долго, прежде чем связаться с нами?

Мальцан:

Ну, может быть, им нужно было время для внутренних консультаций?

Ратенау:

Или они специально тянули время, понимая, что, получив такую новость среди ночи, у нас уже не будет никаких иных вариантов, кроме как вступить в переговоры с русскими.

Мальцан:

Кто же Вам мешает позвонить сейчас Ллойд-Джорджу и сообщить ему о том, что Вам известно, что переговоры прерваны?

Ратенау:

Начиная с шести часов вечера у англичан было более чем достаточно времени для того, чтобы поставить нас в известность о результатах. Если они не сделали этого до сих пор, то это говорит о том, что они считают, будто не все еще потеряно. Мой звонок будет означать для англичан только то, что в их игре с русскими они должны повысить ставки.

И, кто знает, быть может, русские именно на то и рассчитывают, что мы поставим англичан в известность о звонке Иоффе, и это сделает страны Антанты более сговорчивыми в их игре с Россией.

Мальцан:

Есть еще и иной вариант: не звонить ни Чичерину, ни Ллойд-Джорджу, и просто проигнорировать звонок русских.

Ратенау:

В этом случае либо русские просто уезжают, не заключив соглашения ни с нами, ни со странами Антанты, либо, во что я больше верю, делают вторую попытку договориться с союзниками - как-никак, а без кредитов и помощи извне им своими силами с разрухой не справиться. И в этом случае англичане и французы, почувствовав слабость русских, постараются выжать из них максимально возможное, что, учитывая принцип перезачета, в конце концов, обернется еще большими репарациями для Германии.

Мальцан:

Как мне кажется, в создавшихся условиях у нас нет иного выбора, кроме как пойти на переговоры с русскими. И, быть может, это не самый плохой вариант в ситуации, когда союзники все еще не готовы принимать нас за равноправного партнера.

Ратенау:

Видит бог, я всегда ратовал за то, чтобы хорошие отношения со странами Антанты были наивысшим приоритетом германской политики, но союзники просто не оставляют нам иного шанса, кроме как договориться с русскими. Не берусь судить, у самих ли русских хватило ума разыграть подобную комбинацию, или у них были сторонние советники, но, так или иначе, у нас действительно нет выбора. Тот вариант договора, который Вы подготовили еще в Берлине, кажется ведь, устраивал русских. Посмотрим, не изменили ли они свое мнение до сих пор.

Берет в руки телефонный аппарат, говорит в трубку.

Прошу соединить меня с наркомом Чичериным, вилла Советской делегации в Рапалло. Господин нарком, с Вами говорит Ратенау, прошу прощения за поздний звонок. Я только что был проинформирован о том, что Ваши переговоры с союзниками прерваны.... Да, мы ценим то, что Россия всегда стремилась к союзу с Германией. ... Несомненно, мы готовы к возобновлению переговоров с Вашей страной.... Да, я понимаю... Будем считать то, что произошло до сих пор в Генуе, досадным недоразумением.... Несомненно, учитывая настоящую ситуацию, переговоры должны быть возобновлены как можно скорее, берлинский проект соглашения является хорошей основой для этого... Да, я согласен, у нас остается совсем мало времени ... Это хороший план; постараемся как можно скорее воплотить его в жизнь ... Г-н нарком, я желаю Вам спокойной ночи и рассчитываю увидеть Вас в самом скором будущем.

Кладет трубку.

Ну, кажется, дело набирает обороты.

Мальцан:

Русские готовы к переговорам?

Ратенау:

Готовы - это не то слово. У меня сложилось впечатление, что нарком Чичерин все это время сидел у телефона и только и ждал, когда я ему позвоню. Русские сгорают от желания заключить с нами договор. Учтывая, что ситуация весьма неустойчивая, нам надлежит теперь действовать без всяких проволочек. Завтра, а точнее говоря, уже сегодня рано утром Вам придется выехать в Рапалло, с тем, чтобы к восьми часам быть там. Вы должны будете согласовать с русскими тот проект договора, который был подготовлен Вами в Берлине. Ваш вариант меня вполне устраивает, и Вы должны будете постараться, чтобы русские приняли его без каких-либо существенных изменений. Параллельно здесь, в Генуе, я поставлю в известность канцлера о том, что мы вступили в переговоры с русскими. Не думаю, что в создавшейся ситуации у него будут какие-либо возражения. Если Вы увидите, что русские все же не так сговорчивы, Вы немедленно звоните мне. Если до десяти утра от Вас не последует никаких новостей, я выезжаю в Рапалло с тем, чтобы еще до завтрашнего вечера договор был скреплен необходимыми подписями - Чичерина и моей - и получил юридическую силу. Сожалею, что сегодняшней ночью Вам не придется слишком много спать.

Мальцан:

В настоящих условия это - наименьшая из всех проблем. Дай только бог, чтобы все получилось.

Ратенау:

Я предвижу бурю, которую поднимут союзники, когда узнают о нашем договоре с русскими, но, черт возьми, они сами загнали нас в такое положение. Дополнительные репарации, которые нам угрожали, окончательно бы развалили германскую промышленность и могли спровоцировать волнения такой силы, которые бы поставили под вопрос сам факт существования Веймарской республики. В этих условиях из двух зол выбирают меньшее. Я не строю иллюзий по поводу нашего сотрудничества с русскими, но, по крайней мере, договор не ухудшит нашего теперешнего положения. Остается только уповать на то, чтобы дипломатическая изоляция, на которую обрекают нас союзники, не обернулась еще большими потрясениями для всей Европы. Г-н барон, я желаю всем нам успеха на завтрашний день.

Сцена 10. Генуя, вилла немецкой делегации, кабинет министра иностранных дел, Вальтер Ратенау. Частный дом семьи Ратенау в Берлине. Матильда Ратенау.

Телефонный разговор.

В. Ратенау:

Добрый вечер мама, ты еще не спишь?

М. Ратенау:

Ты же знаешь, я ложусь поздно. К нам, старикам, сон часто забывает дорогу до тех пор, пока однажды не придет и останется навсегда. Я как раз разбирала альбомы со старыми фотографиями.

В. Ратенау:

С чего вдруг у тебя ностальгические настроения? У тебя не слишком веселый голос.

М. Ратенау:

Не знаю. Жизнь промчалась так быстро. Я как раз разглядывала наши свадебные фотографии с твоим отцом. Кажется, что это было вчера.

В. Ратенау:

Ты прожила долгую и насыщенную жизнь, мне кажется, тебе не на что жаловаться.

М. Ратенау:

Я еще помню моего деда, простого разносчика сладостей, прожившего большую часть своей жизни в страшной нищете. Последние двадцать лет он ложился спать одетым, так как каждую ночь ждал прихода мессии. Вера была единственным смыслом его жизни, наполняла интересом и содержанием каждый прожитый им день. И я сравниваю его с Эмилем, твоим отцом, который любил рассказывать о себе, что с семнадцатилетнего возраста ни разу не был в синагоге. Да, он сумел создать громадный концерн, да, от его решений зависели тысячи людей, но я не уверена, интересовало ли его по-настоящему что-нибудь, кроме власти и денег. Я не знаю, имела ли его жизнь ту духовную наполненность, которая была у моего деда.

В. Ратенау:

Отец многого достиг в жизни. Я думаю, он умер с сознанием исполненного долга.

М. Ратенау:

Я хочу сказать другое. За каких-то сто с небольшим лет мы, евреи, прошли в Германии огромный путь - от того времени, когда нам разрешалось жить только в гетто, и до наших дней, когда многие из нас становятся владельцами банков, крупными промышленниками, и, как видно на примере нашей семьи, иногда даже министрами. Когда-то нам сказали: хотите равных прав со всеми остальными - будьте такими же, как все. И в результате выросли поколения, к которым принадлежим и мы с твоим отцом, и ты, и многие другие, которые отказались от веры отцов, благодаря которой евреи и смогли сохранить себя как народ. Мы надеялись, что стоит сбрить пейсы и перестать одевать по пятницам лапсердак, как мы станем неотличимы от остальных немцев, и нам откроются все дороги в этой стране. А в результате мы оттолкнулись от одного берега, но так и не пристали к другому.

В. Ратенау:

Но ведь нам действительно открылись все дороги, и, скажи мне, чем мы хуже баварцев, гессенцев, вестфальцев и других народностей, населяющих территории Германии? Ведь у и них нет единой веры, они говорят на различных диалектах, среди них встречаются высокорослые и карлики, голубоглазые и кареглазые, длинноносые и курносые, брюнеты и блондины. Ты можешь объяснить мне, почему они могут считать себя немцами, а мы - нет, почему немец католического или евангелического вероисповедания - это немец, а немец, у которого дедушка был иудейского вероисповедания - это еврей?

М. Ратенау:

Да, я могу тебе объяснить, и я сожалею, что это объяснение я для себя нашла слишком поздно. Все дело в том, что ни гессенцев, ни баварцев не сжигали в средние века целыми семьями на кострах за то, что они якобы отравляют колодцы, и никому в наши дни не приходит в голову обвинять вестфальцев во всемирном заговоре и претензиях на мировое господство. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду. Мы отреклись от веры наших отцов, мы пожертвовали памятью нашего народа, а оказалось, что в глазах значительной части населения этой страны мы - все равно чужаки.

В. Ратенау:

Наивно ожидать, что за каких-то пятьдесят лет в Германии исчезнут предубеждения, которые существовали в этой стране веками. Да, не всегда еврейское происхождение вызывает симпатии у окружающих, но, я уверен, обратного пути нет. Посмотри, каких успехов достигли евреи в культурной жизни республики всего за несколько лет ее существования: театр, живопись, литература, музыка - какую область ни возьми, среди наиболее талантливых ее представителей ты обязательно найдешь людей иудейского происхождения. А взять науку - ведь по крайней мере четверть всех немецких Нобелевских лауреатов - это евреи!

М. Ратенау:

Это и страшит меня. Во времена, подобные нашему, слишком активное участие евреев в общественной жизни может кое-кому действовать на нервы. Я не знаю, дошли ли до тебя сегодняшние немецкие газеты. Представь, некую группу депутатов рейхстага озаботил вопрос, почему среди членов германской делегации в Генуе евреи составляют тридцать три процента, в то время как их процентный состав среди населения равен всего двум процентам. Это что, новый способ распределения государственных постов в стране, которая считает себя демократической - в соответствии с процентным составом среди населения? И почему, в таком случае, этих знатоков статистики не заинтересовал вопрос, сколько, например, баденцев или пруссаков входит в состав делегации? Быть может, мы бы наткнулись здесь на еще более интересные аномалии?

В. Ратенау:

Идиотов хватает везде, быть может, в рейхстаге еще больше, чем где-нибудь еще. Если этот запрос дойдет до меня, я им отвечу, что вероисповедание граждан Германии является их личным делом, и всякого рода спекуляции на эту тему противоречат конституции.

М. Ратенау:

Ты знаешь, по большому счету мне плевать на этих депутатов. И я даже могу смириться с той грязью, которой поливают нас в некоторых газетах: в конце концов я не обязана читать весь этот бред. Но с тех пор, как ты стал министром иностранных дел, положение изменилось: ты стал общественным лицом, ты слишком на виду для всего этих озлобленных недоумков. Каково мне, твоей матери, читать в газетах призывы вроде „скорей прикончим Ратенау, эту проклятую еврейскую свинью“. Каждый день я живу в страхе, что с тобой что-нибудь случится.

В. Ратенау:

Ну вот, я звоню тебе для того, чтобы сообщить, что я по-прежнему жив и здоров.

М. Ратенау:

У тебя очень усталый голос.

В. Ратенау:

Сегодня был долгий день, и в конце его мне пришлось принять, быть может, самое трудное решение в моей жизни.

М. Ратенау:

Прости меня, сын, за мою слабость. Я понимаю, как тебе нелегко, а тут еще я лезу со своими переживаниями. Я верю в тебя, и я очень горжусь тобой.

Действие 3. 23 июня 1922 г.

Сцена 12. Берлин, частная квартира. Эрвин Керн, Вернер Техов.

Техов:

Ты меня надолго вызвал? У меня сегодня вечером свидание с одной подругой.

Керн:

Твоя подруга подождет. Наступает время для дел поважнее. Слушай все, что я тебе сейчас скажу, и постарайся запомнить с первого раза. Завтра утром в семь часов в гараже «Шмитт и Вестерхауз» ты возьмешь тот мерседес, на котором мы с тобой уже ездили на прошлой неделе. Вот ключи, в гараже ты не должен никому ничего объяснять, просто сядешь в машину, заведешь мотор и выедешь со двора. Ты выйдешь на Курфюстендамм и там, на пересечении с Борнштедерштрассе около кафе «Георг», ты сделаешь первую остановку. Ты должен быть там в семь сорок пять; по этому маршруту мы с тобой уже ездили, и, если по дороге ты нигде не будешь останавливаться, времени тебе хватит. Там к тебе в машину подсяду я с еще одним товарищем. После этого мы поедем в Грюневальд и там, на пересечении Делбрюкштрассе и Кенигсаллеи, ты остановишься снова, но мотор выключать не будешь. Где-то между девятью и десятью утра по Кенигсаллее мимо нас проедет серый хорьх с открытым верхом. Пассажир хорьха как раз и будет нашей целью. На улице будет наш человек, он подаст нам знак, когда машина появится. Ты должен будешь догнать хорьх, и после этого двигаться с левой от него стороны параллельным курсом, не перегоняя. Нам потребуется не более тридцати секунд для того, чтобы провести акцию, потом ты довезешь нас до станции метро Кайзердамм, там мы оставим машину и разбежимся в разные стороны.

Техов:

А каким способом будет произведена акция?

Керн:

У нас с приятелем будут револьверы и граната.

Техов:

Да, дело действительно принимает серьезный оборот. Кто же наша жертва? Теперь-то я могу узнать?

Керн:

Можешь. Как ты и предполагал, это Ратенау.

Техов:

Здорово, наконец-то этой еврейской свинье достанется по заслугам.

Керн:

Завтра в истории Германии откроется новая страница, и ты можешь гордиться тем, что будешь к этому причастен. Я уверен, недалеко то время, когда 24 июня будут отмечать как национальный праздник.

Техов:

Ну, я себя в роли национального героя не очень представляю.

Керн:

Да жизнь так уж устроена, что когда народ поставлен на колени, обманут и оболган, в ход истории могут вмешаться и простые парни вроде нас с тобой. Видит бог, меня меньше всего прельщают лавры политического убийцы. Мои родители были вполне добропорядочными гражданами, и поначалу ничто не предвещало того, что я когда-нибудь стану стрелять в министра иностранных дел Германии. Отец имел небольшую слесарную мастерскую. Мы жили скромно, но вполне прилично: собственный дом, прислуга, помогавшая матери по хозяйству. Потом пришел кризис девяностых, и все наше благополучие развалилось, как карточный домик. Где-то там, наверху, десяток биржевых спекулянтов с еврейскими фамилиями увлеклись сверхприбылями и забыли об осторожности, а оказалось, что расплачиваться по их долгам приходится простым людям. Дело отца прогорело потому, что заказов было мало, а банки отказывались давать кредиты; дом продали за долги. Некоторое время мы скитались по ночлежкам и жили на подачки родственников. Потом отцу все же удалось найти работу. Его взяли на только что открывшийся завод компании „АЕГ“, принадлежащей семье Ратенау. Оказалось, что кое-кому кризис пошел даже на пользу: дела у компании шли в то время как нельзя лучше, и уж им-то в кредитах банки не отказывали. Нам выделили маленькую комнатку в заводском общежитии, отца поставили на конвейер по сборке электроламп. За работу платили копейки, которых едва хватало на хлеб. Мать зарабатывала тем, что ходила убираться по богатым домам. Отец так и не смог смириться с новым положением нашей семьи. Он начал пить, и по вечерам, если у него еще оставались силы после смены и после выпитой водки, он брал ремень и гонялся за мной и за мать по всему поселку. Если сил оставалось мало, он плакал, валялся на коленях и просил у нас прощения за сломанную жизнь. Через год он не выдержал и однажды, проснувшись после запоя, просунул голову в петлю. Так что, как видишь, к евреям, и к Ратенау в частности, у меня есть свой собственный счет. Но дело даже не в этом. Поверь, если бы на месте Ратенау оказался немец, я бы все равно не стал отказываться от предстоящего. Я не люблю высокопарных слов, как ты знаешь, я - человек дела, но я действительно горжусь тем, что нам предстоит совершить завтра. Я вижу в этом особое предназначение, что вот я, плоть от плоти немецкого народа, прошедший через нищету, проливавший кровь на войне, испытавший все тяготы послевоенной жизни, что я завтра помогу моему народу покончить с унижениями и начать новую достойную жизнь.

Техов:

Как ты думаешь, сколько времени нам надо будет скрываться?

Керн:

Максимум неделю; потом, когда в дело вступит «Организация Консул», опасаться уже будет нечего. Хочу сказать тебе еще одно. Ратенау будет в машине не один: его всегда возит шофер. Завтра, прежде чем эти двое расстанутся с жизнью, ты увидишь их совсем близко от себя, где-то на расстоянии двух метров. На того, кто участвует в подобном деле

впервые, это действует весьма впечатляющее - знаю это по своему опыту. Так вот, у тебя должно быть достаточно твердости для того, чтобы спокойно пройти через это: все, что ты делаешь, совершается на благо немецкой родины, а эта цель оправдывает любые жертвы.

Техов:

Не думаю, что у меня по этому поводу будут какие-то переживания: в конце концов - это мой сознательный выбор. Что касается Ратенау, то он давно уже заслужил пулю в лоб, а шофер должен был думать раньше, когда узнал, кого он будет возить. Не сомневаюсь, что сегодня ночью я буду спать спокойно.

Керн:

Тем лучше. Тогда до завтра.

Сцена 13. Берлин, вилла Ратенау на Кенигсаллее. Вальтер Ратенау, Альберт Эйнштейн, Курт Блюменфельд.

Блюменфельд:

Прежде всего, г-н министр, разрешите выразить Вам благодарность за то, что Вы нашли время принять нас.

Ратенау:

Ну что Вы, господа, это Вы оказали мне честь Вашим визитом. Хотя нам до сегодняшнего дня и не удавалось познакомиться, я наслышан о Вас, профессор Эйнштейн, не только как о самом знаменитом физике современности, но и как об активном общественном деятеле, оригинальном мыслителе и интересном собеседнике. Что касается Вас, г-н Блюменфельд, то я высоко ценю Ваш вклад в организацию международного сионистского движения.

Блюменфельд:

Тем не менее, все эти годы Вы держались в стороне от нас.

Ратенау:

Евреи, несомненно, - соль земли. Но Вы знаете, что бывает, когда соли оказывается слишком много. Мне кажется, что собрав всех евреев в одном месте, вы очутитесь именно в такой ситуации. А если говорить серьезно, то сионистское движение является в моих глазах атавизмом. Ведь евреи давно уже не являются народом, и никогда уже вновь не станут народом. Посмотрите на интеллектуальную элиту среди евреев - она давно уже потеряла всякое чувство национальной принадлежности и признает только духовную близость между отдельными индивидуумами. Что меня связывает с евреями, так это осознанность общего происхождения, но никак не семейная близость. Последнее было бы для меня слишком тесным. Я не религиозен и, поверьте мне, я не испытываю никаких чувств национальной близости к какому-нибудь цадику из местечка под Варшавой: слишком велики в нас культурные различия, слишком разнится весь жизненный уклад. Уж если на то пошло, в этом случае мне гораздо ближе какой-нибудь баварский крестьянин из-под Мюнхена.

Эйнштейн:

Однако Вы не отрицаете осознания общности по происхождению. Что ж, иногда достаточно бывает и этого принципа для образования нации. Возьмите пример Югославии: в нее вошли народы, разнящиеся по языку, вероисповеданию и культуре, которые объединяет только единая историческая память - их противостояние турецкому владычеству. Неужели Вы думаете, что в случае евреев их общая судьба, многовековая память об угнетениях и притеснениях недостаточно крепкий цемент для осознания себя как нации?

Ратенау:

А как Вы относитесь к тому, что предназначение евреев, как Богом избранного народа, как раз состоит в том, чтобы жить в диаспоре среди других народов и нести им Божье слово? Призывая евреев к иммиграции в Палестину, Вы выступаете против божественного предназначения еврейского народа.

Блюменфельд:

Вся история жизни нашего народа среди других народов - это бесконечное перечисление унижений и мучений, которые нам пришлось вынести. И надо быть слепым, чтобы не видеть, что новейшие надежды на эмансипацию также не оправдались. Мы по-прежнему остаемся неприкасаемыми в семье других народов. Если раньше юдофобы говорили, что стоит только нам отказаться от своей веры и стать такими, как все, как тотчас все ограничения будут сняты, то теперь появилось это новомодное слово «антисемитизм»: уже не важно, какую религию ты исповедуешь, нас выбраковывают по расовому признаку. Единственная возможность выживания в диаспоре - это полная ассимиляция, утрата не только веры, но и культуры, исторической памяти, всего того, что делает нас народом. Евреи смогут сохранить себя как нацию только в том случае, если им удастся построить свое независимое государство.

Ратенау:

Уф, Вы выпустили в меня целую обойму Вашей сионистской аргументации. А не кажется ли Вам, что, призывая евреев к иммиграции в Палестину вместо того, чтобы бороться за их права в тех странах, где они проживают, Вы, тем самым, льете воду на мельницу антисемитов?

Эйнштейн:

Давайте смотреть правде в глаза: с тех пор, как был разрушен Храм и евреи были рассеяны по всему свету, не было места на земле, где бы они не подвергались гонениям и нападкам. Да антисемитизм - это ужасная болезнь, но, к сожалению, эта зараза распространилась по всему глобусу - от Европы и до Аляски, от Лапландии и до Патагонии. Единственный способ избавить мир от этой болезни, это устранить корень заболевания - собрать евреев всего мира в одном месте, где они будут жить, ни от кого не завися.

Ратенау:

Я думаю, что корень заболевания, о котором Вы упомянули, кроется в другом: к сожалению, человек так устроен, что в собственных неудачах ему всегда проще винить других, особенно если эти другие чем-то отличаются от него.

Эйнштейн:

Абсолютно согласен с Вашим замечанием. Однако, согласитесь и Вы, что болезни такого рода относятся к числу неизлечимых, и, следовательно, разумной альтернативы иммиграции в Палестину для евреев нет.

Ратенау:

Вы знаете, что меня еще смущает в идее сионизма, так это то, что вы постоянно твердите об эмансипации и независимости, а между тем сионистские поселения в Палестине зависят сейчас и будут всегда оставаться зависимыми от финансовой поддержки богатых евреев, которые не разделяют сионистских настроений и продолжают жить в диаспоре. Социальная идея, которая не гарантирует экономической независимости народа, увы, всегда будет оставаться утопией, и в практической реализации обречена на неизбежный провал. Идеалисты в Палестине, даже если они готовы умереть за свое дело, остаются для остальных евреев всего лишь маленькой группой, которая существует лишь благодаря пожертвованиям со всего мира.

Блюменфельд:

Я решительно не согласен с Вашей оценкой. Действительно, сейчас еврейские поселения во многом зависят от внешней помощи: у нас большие расходы в связи с тем, что нам приходится выкупать землю в Палестине, оплачивать транспорт переселенцев и их обустройство, но, уверяю Вас, это лишь временные трудности роста. Придет время, и Палестина станет независимым и процветающим государством.

Ратенау:

Палестина - это сонное царство, веками прозябавшее на задворках Османской империи, и я не верю, что с теперешним приходом англичан там что-то изменится. Там нет ни промышленности, ни полезных ископаемых, ни больших городов, и единственное, чем люди могут зарабатывать себе на пропитание, это осушение болот и сельское хозяйство. А между тем, евреи повсюду ведут преимущественно городской образ жизни, да и вся современная культура связана с городом. Попытка реаграризации будет лишь тормозом прогресса.

Эйнштейн:

Я пытаюсь следить за ходом нашей беседы, и от меня не ускользает, что Вы, г-н Ратенау, постоянно меняете тему разговора. Чего, собственно говоря, Вы хотите этим достичь?

Ратенау:

В нашей беседе я всего лишь «advocatus diaboli». Меня, как еврея, интересует идея сионизма, и в нашей дискуссии я пытаюсь рассмотреть ее под различными углами.

Блюменфельд:

В таком случае я позволю себе тоже сменить тему беседы. Г-н Ратенау, нам было интересно выслушать Ваши соображения по поводу сионизма и освоения Палестины, однако, цель нашего визита состоит не в этом. Мы хотим Вам указать на одно обстоятельство, которое касается Вас в еще большей степени, чем идеи сионизма.

Ратенау:

Что же это за обстоятельство, которое в глазах первого сиониста Германии касается меня больше, чем сама идея сионизма. Я просто теряюсь в догадках.

Эйнштейн:

Мы считаем, что Вы не имеете никакого права представлять в качестве министра иностранных дел интересы немецкого народа.

Ратенау:

Почему же нет? Я обладаю необходимым опытом и знаниями для этой должности. Я поставил мои способности и мои силы в распоряжение немецкого народа и, тем самым, как гражданин, я выполняю свои обязанности по отношению к нему.

Блюменфельд:

Потому, что христианский мир всегда судил и продолжает судить евреев по правилам круговой поруки: за юридическую ошибку, которую пара священнослужителей, быть может, совершила две тысячи лет назад, до сих пор расплачивается весь наш народ. Если одному еврею в Лондоне удастся сколотить состояние и выбиться в банкиры, то всех евреев в Нью-Йорке, Берлине, Париже, Киеве, Рио-де-Жанейро и тысяче других городов тут же обвиняют в ростовщичестве и жульничестве. Будь Вы хоть почтовым министром или министром железных дорог, было бы не так страшно. А в Вашей теперешней должности Вы слишком на виду. И за каждый Ваш поступок, за каждое Ваше решение будете расплачиваться не только вы персонально, но и все евреи во всем мире.

Ратенау:

Я понимаю, что Вы имеете в виду. Позвольте мне в связи с этим рассказать Вам забавную историю, которую не так давно я слышал от Карла Радека, бывшего специального посланника Советской России в Германии. По словам Радека, эту историю рассказал ему вождь русской революции Лев Троцкий, настоящая фамилия которого - Бронштейн. Зимой голодного 1918 г. в Петрограде к Троцкому пришел какой-то раввин и стал просить о помощи нескольким еврейским семьям. В ответ на его просьбу Троцкий ответил, что помимо еврейских семей, голодают и русские, и украинские, и белорусские семьи, и что он, как революционер по фамилии Троцкий, делавший революцию для всего человечества, не видит причины, по которой он должен оказывать предпочтение именно евреям. На это раввин произнес замечательную фразу: «Беда в том, господин председатель, что революции делают троцкие, а расплачиваться всегда приходится бронштейнам».

Эйнштейн:

Раввин был прав, и потоки еврейской крови, пролившиеся с тех пор в России, лучшее тому подтверждение.

Ратенау:

Ну, а если говорить серьезно, почему я не могу повторить то, что когда-то сделал Дизраэли?

Блюменфельд:

Когда Вам сопутствует успех, кое-что оказывается возможным. Дизраэли дал Англии Суэцкий канал и сделал королеву императрицей Индии. В трудные времена, такие, как сейчас, всегда проявляется, кого воспринимают как своего, а кого - как чужого.

Эйнштейн:

Я приведу Вам пример из собственного опыта. Когда теория, которую обычно связывают с моим именем, была положительно воспринята мировым научным сообществом, немецкие газеты были полны заголовков: «Открытие, которое сделал немец». Но, я уверен, если бы в моих публикациях нашлись ошибки, то газеты писали бы: «Работа, которую сделал еврей».

Блюменфельд:

Кроме того, я считаю, что еврей ни при каких обстоятельствах не имеет права представлять интересы другого народа. Вы не признаете своей принадлежности к еврейскому народу, однако, Вы не можете отрицать существование еврейского вопроса - это объективный факт, который невозможно замолчать. Вы выполняете лишь функцию, и в действительности Вы не являетесь частью немецкого народа, служить которому Вы пытаетесь.

Ратенау:

Людам вроде меня приходится доказывать свою принадлежность к немецкому народу своей работой на пользу этого народа.

Блюменфельд:

При том, что я считаю Вас одним из умнейших политиков нашего времени, я очень сомневаюсь, что своей работой Вы сможете что-то доказать. История, к сожалению, учит нас обратному. Нам часто кажется, что раз мы выросли в этой стране, впитали ее культуру, работаем на благо этой страны, то мы такие же немцы, как и все остальные. Но беда в том, что эти остальные так не считают. Для них мы были и остаемся чужаками, которых в лучшем случае терпят, но никогда не будут считать своими. Гейне был одним из самых выдающихся лирических поэтов, когда-либо писавших по-немецки, он даже перешел в евангелическое вероисповедание, чтобы полнее слиться с немецким духом, но для значительной части публики он так и остался сентиментальным еврейским рифмоплетом. Мендельсон-Бартольди, также оставивший веру своих отцов, считал себя до мозга костей немецким композитором, но другие немецкие композиторы слышали в его произведениях некие типично еврейские мотивы, не соответствующие духу настоящей немецкой музыки. И точно так же, хотя Вы и считаете себя немецким политиком и полагаете, что защищаете интересы немецкого государства, газеты пишут о Вас, что Вы предаете интересы немецкой нации и служите на пользу международному еврейскому капиталу.

Ратенау:

Да, у немцев особое отношение к евреям. Идея единства нации, с таким запозданием реализовавшаяся в Германии, всегда подпитывалась чувством коллективной ненависти к другому народу - будь хоть это французы или евреи. Могу лишь предположить, что если бы немецкое национальное государство образовалось на сто лет раньше, отношение к евреям в этой стране было бы сейчас иным.

Блюменфельд:

Дело не в немцах, точнее не только в немцах. Вспомните дело Дрейфуса в такой с виду терпимой и преданной гуманистическим идеалам Франции, где евреи пользуются равными правами еще со времен революции. И кто знает, как бы относились сегодня к евреям в Англии, если бы победа в последней войне досталась Германии, а англичане боролись бы сейчас с гиперинфляцией, лишились бы всех своих колоний, да в придачу и Уэллса, и выплачивали бы нам огромные репарации.

Ратенау:

Почему то мне все же кажется, что я бы с большим удовольствием сидел на Даунинг-стрит, чем на Вильгельмштрассе.

Эйнштейн:

Ну, вот Вы и попались. Тем самым Вы сами признались, что не принадлежите к немецкому народу и лишь выполняете функцию.

Ратенау:

Пожалуй, Вы правы. Я - действительно чужеродное образование в германской политике и, несмотря на все мои усилия, никогда не смогу опровергнуть это. Да, есть в идее сионизма привлекательная сторона - вырвать евреев из окружения враждебных им народов, создать государство, в котором они чувствовали бы себя в безопасности. Но беда в том, что точно так же, как еврей-сапожник в каком-нибудь местечке под Краковом ежедневно ощущает потенциальную угрозу, исходящую от своего соседа поляка-мясника, точно так же независимое еврейское государство, если ему когда-нибудь суждено будет возникнуть, ежеминутно вынуждено будет противостоять враждебному отношению окружающих его стран. Антисемитизм - ужасная болезнь человеческого рода, которая возникла не вчера. Но я твердо верю в то, что когда-нибудь ее все же удастся победить. Моя вера покоится на сознании того, что даже в самые мрачные средневековые времена находились простые крестьянские семьи, которые, рискуя собственной жизнью, укрывали евреев, спасая их от костра или виселицы. Моя вера покоится на том, что во времена дела Дрейфуса цвет французской нации встал на защиту евреев, а в России лучшие ее писатели с мировым именем выступали с осуждением погромов и травли евреев. Моя вера покоится на воспоминаниях о моей няньке, простой крестьянке из Померании, которая воспитывала меня как своего сына, и по вечерам перед сном крестила меня, украдкой от моих родителей. Моя вера покоится на том, что помимо кучки озлобленных завистников, существуют на свете и другие люди, для которых основополагающие принципы любой религии о любви и уважительном отношении к ближнему являются основой их существования. Да, сегодня мы - чужаки, презренные парии. Но мир не переменится, если мы будем сидеть, сложа руки. Устраниться от активной деятельности, от участия в жизни страны, которую ты считаешь своей родиной, заключить себя в духовное гетто - это именно то, чего ждут от нас антисемиты. Своей деятельностью я разбиваю барьеры, которыми они хотят нас окружить.

Эпилог

Звучит молитва «каддиш».

М.Ратенау:

Я отчетливо помню во всех деталях день похорон Вальтера - так, как будто это было вчера. Казалось, траурной процессии, растянувшейся от Бранденбургских ворот до кладбища Обершоненвайде не будет конца. Газеты потом писали, что в ней приняло участие более миллиона человек. Хотя мой сын был не религиозным человеком, его хоронили по еврейскому обряду. Каддиш над гробом читал раввин Лео Бек, сказавший о Вальтере горькие слова: «Всю свою жизнь он был искателем. Можно сказать: всюду в мире искал он себя - искал и не мог найти».

Полиции удалось довольно быстро схватить одного из террористов - водителя автомобиля, из которого было совершено нападение. Это был совсем молоденький мальчик, еще толком почти ничего не изведавший в жизни, но уже зараженный ядом ненависти к евреям. Почему-то в те дни я часто думала о несчастной матери этого мальчика, которой, быть может, предстояло пережить самое страшное материнское горе, через которое уже прошла я - пережить смерть своих детей. Я написала ей коротенькое письмо, за которое потом одни меня хвалили, а другие ругали: «испытывая невыразимую боль, я протягиваю Вам, самой несчастной из всех женщин, свою руку. Передайте Вашему сыну, что от имени убитого я прощаю его, как, быть может, простит его Бог, если он полностью сознается перед земным правосудием и раскается перед божественным. Да принесут эти слова мир Вашей душе».

Чтобы как-то сохранить память о моем сыне, я организовала нечто вроде музея в особняке на Кенигсаллее, где он жил. В 1933 г. музей был разгромлен гестапо, но до этого я уже не дожила.